

— Меня подстрекали к преступлению. И пока вы не приведете ко мне тех отца и сына, даже не надейтесь узнать, кто зачинщик, — заявила она крайне наглым тоном.

— Какая нелепость, — произнес один из полицейских, стоя за специальным стеклом односторонней видимости. — При наличии столь неопровержимых улик нам ничего не мешает сразу вынести обвинение...

— А что касается сообщника, о котором она твердит, мы проведем дополнительное расследование позже.

— Расследовать-то мы будем, но боюсь, ничего не найдем, — нахмурился пожилой полицейский.

Если потом снова что-то случится, никто не захочет брать на себя такую ответственность.

Немного подумав, пожилой полицейский принял решение:

— Сначала свяжитесь с семьей и спросите, согласны ли они прийти. Ребенка беспокоить не стоит, для него это может стать потрясением. Если получится, пусть придет взрослый.

Молодой полицейский отошел сделать звонок и вскоре вернулся, заметно удивленный:

— Они согласились без лишних разговоров, да и тон был вполне доброжелательным.

А он-то думал, что с отпрысками богатых семей будет трудно договориться.

Тем временем допрос за стеклом продолжался.

Хотя Чэнь Жань и отказывалась выдавать сообщников, о мотивах преступления она говорила без утайки:

— Если бы не Ли Сянфу, мы с моим парнем уже давно купались бы в роскоши.

Полицейский поднял глаза:

— Ли Сянфу?

Одно упоминание этого имени, казалось, распалило в ней еще большую ненависть. Пальцы Чэнь Жань сжались так сильно, что костяшки побелели, и она разразилась потоком бранных обвинений.

Из ее уст так и лился яд. Протоколист искренне изумился, никак не ожидая, что это дело окажется связанным с прошлым Делом об убийстве жены.

Перейдя к отношениям между Ши Чэнем и Ли Сичунем, Чэнь Жань скрежетала зубами от злости:

— Тогда Ли Сянфу разузнал о его грязных тайнах и заставил Ши Чэня пойти на разрыв.

Полицейский больше не мог слушать этот бред и не удержался от вопроса:

— То есть вы хотели, чтобы ваш парень женился на богатой наследнице?

— Конечно! Мы с Ши Чэнем вместе еще со старшей школы, — самодовольно усмехнулась Чэнь

Жань. — Если разобраться, это Ли Сичунь влез в наши отношения и стал третьим лишним.

Теперь полицейскому все стало ясно: эта женщина подстрекала своего парня обольщать богатых особ, а под конец даже решила обобрать собственную кухню.

Чэнь Жань презрительно фыркнула:

— Если бы Ли Сянфу тогда не вставил нам палки в колеса, мне бы не пришлось строить козни против семьи кухни. В конце концов, именно он во всем виноват.

Когда дело касается преступлений на почве запутанных личных отношений, искать у подозреваемых какие-то моральные ориентиры — пустая трата времени. За долгие годы службы полицейский повидал немало, но даже его поразила подобная логика.

Проводившая допрос женщина-полицейский захлопнула блокнот, вышла из комнаты и покачала головой, обращаясь к коллегам:

— Когда подобные люди через несколько лет выходят на свободу, они, как правило, снова берутся за старое.

Не успела она договорить, как боковым зрением заметила пожилого коллегу, который вел за собой молодого человека. Девушка невольно застыла.

Приближавшийся мужчина выглядел на редкость безмятежно. Солнечные лучи, падавшие на его благородное, красивое лицо, придавали ему какое-то неземное, почти святое величие.

— Здравствуйте, — Ли Сянфу мягко улыбнулся, и даже в легком изгибе его губ сквозило врожденное благородство.

Девушка-полицейский опомнилась и предупредила его со всей серьезностью:

— Спасибо, что согласились помочь следствию. Однако подозреваемая сейчас крайне взвинчена и может позволить себе грубости в ваш адрес.

— Ничего страшного, — улыбка Ли Сянфу осталась прежней. — В моем сердце живет всеобъемлющая любовь.

...

Она не совсем поняла, что он имел в виду, но шестое чувство подсказывало ей: безумной преступнице в допросной нашелся достойный соперник.

Увидев вошедшего Ли Сянфу, скованная наручниками Чэнь Жань порывисто дернулась вверх, но кресло было специальной конструкции, так что ей пришлось нехотя опуститься обратно.

— А Шаша, значит, не пришел... — протянула она притворно-ласковым тоном, в котором сквозила откровенная злоба. — Небось ревет сейчас дома в три ручья, а вы всей семьей обзваниваете детских психотерапевтов?

Прошло несколько секунд, но ответа не последовало.

Чэнь Жань вздернула подбородок и впервые соизволила по-настоящему взглянуть на Ли Сянфу, а не просто мазнуть по нему глазами.

Никакой ярости, которую она ожидала увидеть, на его лице не было. Стоявший перед ней мужчина сохранял абсолютное спокойствие, в его облике не читалось и тени раздражения. Даже случайная прядь волос, упавшая ему на лоб, казалось, безмолвно шептала: «Я прощаю тебя».

...

Они противостояли друг другу в полном молчании. Чэнь Жань до боли закусил губу, ее глаза налились кровью от напряжения, и вдруг она с силой ударила по разделительной перегородке:

— Да скажи ты хоть что-нибудь! Язык проглотил?!

Ли Сяньфу жестом попросил ее успокоиться и начал невозмутимо читать мантры на санскрите.

Сила божественного благословения на каждого действует по-разному. Без должного душевного покоя она не приносит пользы, а порой дает прямо противоположный эффект.

Видя, как Чэнь Жань с каждой секундой свирепеет все сильнее, Ли Сяньфу и не думал останавливаться.

Неземное звучание санскрита переплеталось с утробным рычанием задержанной. Голос Ли Сяньфу звучал негромко, но в нем крылась мягкая сила, способная без труда сдерживать натиск ярости, из-за чего их противостояние казалось абсолютно равным.

Двое полицейских, стоявших неподалеку, безвинно пострадали за компанию: эти монотонные звуки терзали им слух так, словно их самих подвергали жестокой пытке.

Спустя десять минут противостояния женщина-полицейский больше не выдержала. Она глубоко вдохнула, собираясь вмешаться, но Чэнь Жань сдалась первой. Облизав пересохшие губы, она процедила сквозь зубы:

— Говори по-человечески.

Но Ли Сяньфу не собирался останавливаться — ему нечасто попадался слушатель, перед которым он не нес никакой ответственности, и он как раз вошел во вкус.

— Две недели назад я получила электронное письмо! — внезапно выкрикнула Чэнь Жань.

Посмотрев на Ли Сяньфу, который все так же монотонно бубнил свои мантры, она резко повернулась к сотруднице полиции:

— Уберите отсюда этого ненормального!

На этот раз женщина-полицейский проявила редкую уступчивость и вежливо попросила Ли Сяньфу покинуть помещение.

По правде говоря, у нее самой уже голова раскалывалась от его чтения.

Выйдя из допросной, Ли Сяньфу не ушел, а присел на скамью в коридоре в ожидании новостей. Вскоре дверь приоткрылась, и женщина-полицейский, высунувшись наполовину, сказала:

— С этим делом быстро разобраться не получится, нам нужно проверить ее показания. Может, вы пока пойдете домой?

Ли Сяньфу послушно поднялся:

— Спасибо за вашу работу.

Сотрудница полиции провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду. Проглотив оставшиеся слова утешения, она с удивлением подумала: неужели богатые люди сейчас стали такими покладистыми?

* * *

Кое-чего Чэнь Жань никак не могла предвидеть.

У Ли Шаши не возникло абсолютно никакой психологической травмы. В ответ на преувеличенное беспокойство семьи Ли он лишь рассудительно разложил все по полочкам:

— Я и сам знал, что учительница Чэнь — человек так себе.

— Во-первых, она делает химическую завивку.

— Во-вторых, у меня нет мамы.

Заметив полный сочувствия взгляд Ли Сичуня, Ли Шаша содрогнулся и поспешил добавить:

— И наконец, мне вполне хватает родительской любви.

С этими словами он неловко уселся на диван, лихорадочно придумывая предлог, чтобы поскорее сбежать от всеобщего внимания.

В этот момент из прихожей донесся какой-то шум.

Тетя Чжан как раз заходила из внутреннего дворика. Вытерев мокрые руки, она подняла голову и крикнула:

— Сяньфу вернулся!

Ли Шаша вздохнул с облегчением, словно получил долгожданное помилование.

Спустя полминуты Ли Сяньфу переобулся и вошел в комнату, окинув всех присутствующих внимательным взглядом.

Словно догадавшись, кого тот ищет, Ли Хуайчэнь произнес:

— У отца прихватило сердце. Днем он принял лекарство и поднялся к себе отдохнуть. — С этими словами он поднялся и взял пальто. — Аньцин просила передать, чтобы ты ждал ее дома. Кажется, она хотела обсудить с тобой какое-то дело.

Уже у самого выхода он обернулся:

— Да, кстати, как там в полиции?

— Все еще расследуют.

Ли Хуайчэнь кивнул:

— Как только появятся результаты, сразу дай мне знать.

Ли Сичунь, стоявший рядом, только собирался заговорить, как у него зазвонил телефон. Неизвестно, что ему сообщили, но лицо его постепенно становилось все более озабоченным.

— Мне нужно срочно съездить в больницу.

Хоть звонивший и не сказал прямо, Ли Сянфу догадался, что это связано с тем одноклассником, у которого констатировали смерть мозга. Стоило Ли Сичуню уйти, как в гостиной остались лишь они двое — «отец и сын».

Некоторое время они сидели молча, затем Ли Сянфу ласково потрепал Ли Шашу по голове:

— Ты как? В порядке?

Ли Шаша кивнул без колебаний:

— Ерунда.

— А ведь если бы ты притворился, что сильно напуган, мог бы со спокойной совестью отдохнуть дома несколько дней.

Ли Шаша застыл на месте, словно пораженный громом.

— Теорию семейных интриг ты знаешь на отлично, а вот применять на практике так и не научился.

...

Ли Шаша так и не оправился от этого потрясения вплоть до возвращения Ли Аньцина. А когда наконец пришел в себя, обнаружил, что остался в комнате один.

Во дворе.

Вода тихо колыхалась в небольшом фонтане, недавно вымытом тетей Чжан, отчего кафельная плитка на дне казалась хрустально чистой.

Ли Аньцин сразу перешел к делу:

— Отец, кажется, подозревает, что во всем этом как-то замешана семья Цинь.

Ли Сянфу перестал бездумно смотреть на воду и удивленно поднял глаза.

— Я отправлял людей в Древнюю деревню Тяньси для проверки, но на месте они столкнулись с людьми отца.

История с Цинь Цзяюй все еще оставалась крайне запутанной. Беспокоясь о здоровье старика Ли, все до последнего старались скрывать от него правду.

— Старый лис... — пробормотал Ли Сянфу, вспомнив давнее прозвище отца. Помолчав секунду, он добавил: — Пожалуй, в ближайшее время он запретит мне встречаться с Цинь Цзином.

То, что Ли Аньцин упомянул всю семью Цинь, а не конкретно Цинь Цзиня или Цинь Цзяюй, говорило о том, что под подозрением находились оба.

Ли Аньцин кивнул:

— В глазах отца нельзя исключать вероятность того, что Цинь Цзинь сам разыграл весь этот спектакль.

<http://bllate.org/book/18300/1757045>